

К типологии непосессивных употреблений посессивных показателей¹

И. О. Ольхов, НИУ ВШЭ (Москва), iolkhov_2@edu.hse.ru

С. К. Михайлов, НИУ ВШЭ (Москва), stepanmihajlov@gmail.com

В литературе по различным языкам, в первую очередь – уральской семьи, широко описан феномен употребления посессивных показателей в непосессивных функциях. За исключением отдельных работ (например, [Simonenko 2017] и [Halm 2018]), рассматриваемые маркеры обычно не получают теоретического осмысления, а в обзорных статьях приводятся данные лишь нескольких языков.

Нами была предпринята попытка систематизации всех фактов непосессивных функций посессивных маркеров, эксплицитно описанных в литературе по данной теме и рассматриваемым языкам. В выборку вошли 123 показателя из 76 идиомов уральской, тюркской, афразийской и других семей. На основе данных мы построили семантические карты таких употреблений [Haspelmath 2003], а также предположили пути их развития и описали случаи контактного распространения.

Вслед за [Mikhailov 2025], где предложен сравнительный концепт для исследуемого явления, мы используем термин *беспосессив* для таких маркеров. Самые частотные функции беспосессивов схожи с функциями определенных артиклей (в которые они грамматикализировались, в частности, в амхарском), и при описании мы опираемся на посвященную им литературу [Hawkins 1991, 1978; Enç 1991; Becker 2021]. Так, основными выделяемыми функциями являются: *анафорическая* (1а); *локальная уникальность*, при которой маркированная сущность присутствует в ситуации речевого акта; *глобальная уникальность* для участников более широкой ситуации; и *партиитивная специфичность*, при которой маркированная ИГ отсылает к подмножеству некоторого референта, обозначенного ранее (1б).

(1) а. Нганасанский [Siegl 2015: 78-79]

<i>басутуо-ра</i>	<i>нукага</i>	<i>бабий</i>	<i>котабаты</i>
hunter-px.2sg	many	wild.reindeer[ACC.PL]	kill.INFER.3sg

‘[Жил в тундре один охотник. Были у него жена и сын.] Охотник убил много диких оленей.’

б. Малокарачинский чувашский [Логвинова 2019: 106]

<i>man-ən</i>	<i>nomaj</i>	<i>teərɖzan</i>	<i>bol-za</i>	<i>no</i>
я-GEN	много	животное	быть-CV_SIM	но

<i>igě</i>	<i>koɖag-ə</i>	<i>man-ran</i>	<i>tar-za</i>
два	кошка-р_3	я-ABL	убежать-CV_SIM

‘У меня было много животных, но две кошки скоро убежали.’

Другие функции включают: ассоциативную функцию, в которой маркер обозначает любую ассоциативную связь между двумя сущностями (например, близость в пространстве (3)); аффективный вокатив (2); субстантивацию; а также посессивную релятивизацию, при которой лицо и число субъекта релятивизирующей клаузы маркируется посессивом на релятивизируемой ИГ.

(2) Бесермянский [Serdobolskaya et al. 2019]

<i>ja</i>	<i>tin'</i>	<i>əč'e</i>	<i>nəl-ə</i>	<i>səč'e-os-tə</i>	<i>vera-j=n'i</i>
well	here	so	girl-P.1(SG)	such-PL-ACC.PL	tell-PST(1SG)=already

‘Ну, вот и всё, девочка моя [обращаясь к записывающей текст лингвистке], вот что я тебе рассказала.’

¹ В настоящей работе использованы результаты проекта «Языковое и когнитивное многообразие в формальных моделях, компьютерных инструментах и образовательных ресурсах», выполненного в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2025 году.

Чаще всего (в 45 из 76 идиомов выборки) в непосессивных функциях выступает маркер POSS.3SG – в частности, функция партитивной специфичности (1б) для него эксклюзивна. В северных самодийских и контактирующих с ними языках другие детерминативные функции также распространены у POSS.2SG, а в лесном ненецком и тегинском хантыйском и у POSS.1PL.

Мы построили отдельные семантические карты для беспосессивов 1, 2 и 3 лица, а также обобщенную карту для всех лиц (рис. 1) и карту, показывающую распределение функций между различными маркерами (рис. 2; оранжевой рамкой обозначены функции, свойственные показателям всех лиц и чисел).

Рис. 1. Сем. карта беспосессивов

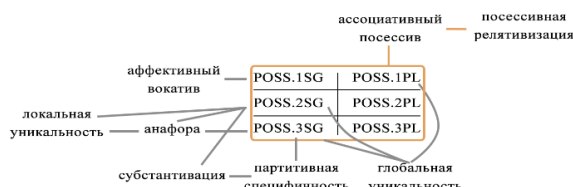

Рис. 2. Сем. карта парадигмы беспосессивов

Однозначно установить пути развития значений при отсутствии ранних письменных свидетельств большинства языков выборки затруднительно, но можно сделать несколько предположений. Так, функция глобальной уникальности могла возникнуть из ассоциативной, связываясь носителями либо с деятельностью божеств [Кузнецова 2003: 7], либо с известными участниками ситуации, такими как место действия (“солнце наше, потому что оно светит над нами”). Схожим образом могли появиться локально-уникальные употребления, в том числе – в пределах топикальной ситуации нарратива, где доминирует посессив POSS.3SG, чаще всего встречающийся в этой функции (“мост ее [мышки], потому что она по нему идет”):

(3) Южноселькупский [Budzisch 2021: 84]

mosta-ti   *pat-i-l-i-ŋ*
 bridge-poss.3SG   go.down-EP-INCH-EP-3SG.S

‘[Мышка идет по травяному мосту.] Мост [букв. ее мост] рушится’

В докладе мы подробнее обсудим возможные пути развития функций беспосессивов; здесь же ограничимся комментарием, что для части других функций также логично предполагать начало в ассоциативных употреблениях.

Наконец, на основе различных источников можно сделать вывод, что непосессивные употребления посессивов довольно сильно подвержены контактному распространению. В долганский беспосессивы были заимствованы из нганасанского [Stachowski 1998; Siegl 2015]: их функции в обоих языках очень схожи, а в других тюркских почти не представлены. Вероятно, из какого-то самодийского языка они попали и в якутский [Pakendorf 2007; Stachowski 2010].

Примечательным представляется распространение беспосессива POSS.2SG (1a) в пределах уральской семьи. Наиболее широко он используется в северных самодийских языках, а также в принадлежащем к обско-угорским севернохантыйском и в меньшей степени в пермских языках. Относясь к разным ветвям, эти языки являются близкими территориально. В случае севернохантыйского на контактное влияние указывают отсутствие непосессивных употреблений POSS.2SG в других обско-угорских, а также крайняя схожесть систем беспосессивов тегинского диалекта и ненецких языков.

Таким образом, в нашей работе непосессивные функции посессивных показателей впервые рассматриваются с учетом всех доступных на данный момент свидетельств их наличия в языках различных семей. Мы предложили варианты семантических карт и пути развития отдельных значений. Также мы показали, что рассматриваемые

показатели, судя по всему, распространяются контактным путем. В дальнейшем расширить выборку и уточнить гипотезы появления тех или иных значений можно с помощью подробных корпусных исследований.

Литература

Becker L. *Articles in the world's languages*. Berlin: De Gruyter, **2021**. **Budzisch J.** On the non-possessive use of possessive suffixes in Central and Southern Selkup // *Ural-Altaic Studies*. № 2 (25). **2017**. P. 59–67. **Enç M.** The semantics of specificity. *Linguistic inquiry*, **1991**, 22: 1–25. **Halm T.** From possessive suffix to affective demonstrative suffix in Hungarian: a grammaticalization analysis // *Morphology*. **2018**. Т. 28. № 4. С. 359–396. **Haspelmath M.** The geometry of grammatical meaning: Semantic maps and cross-linguistic comparison // *New Psychology of Language*, v.2, 211–242 (2003). **2003**. Т. 2. **Hawkins J.** Definiteness and indefiniteness: A study in reference and grammaticality prediction. London: Croom Helm, **1978**. С. 316. **Hawkins J. A.** On (in) definite articles: implicatures and (un) grammaticality prediction1 // *Journal of linguistics*. **1991**. Т. 27. № 2. С. 405–442. **Mikhailov S.** Possession and determinacy in Northern Khanty. PhD dis. National research university Higher School of Economics, **2025**. **Pakendorf B.** The ‘non-possessive’ use of possessive suffixes in Sakha (Yakut) // *Turkic languages*. **2007**. Т. 11. С. 226–234. **Siegl F.** The non-possessive use of PX.2P in Nganasan and Dolgan — a reappraisal // *Finnisch-Ugrische Mitteilungen*. **2015**. № 39. С. 67–100. **Simonenko A.** Towards a semantic typology of specific determiners // *Proceedings of the Amsterdam Colloquium*. , **2017**. С. 425–434. **Stachowski M.** An example of Nganasan-Dolgan linguistic contact // *Turkic languages*. **1998**. Т. 2. С. 126–129. **Stachowski M.** On the article-like use of the Px2Sg in Dolgan, Nganasan and some other languages in an areal Siberian context // *Finnisch-Ugrische Mitteilungen*. **2010**. Т. 32/33. С. 587–593. **Кузнецова А. И.** Кумуляция грамматических значений в агглютинативных показателях: дейктические функции посессива в уральских языках. // *Международный симпозиум по дейктическим системам и квантификации в языках Европы и Северной и Центральной Азии. Сборник статей. Ижевск*, **2003**. 249–259. **Логвинова, Н. Н.** Непосессивные функции показателя посессивности третьего лица в малокарачкнском говоре чувашского языка. *Acta Linguistica Petropolitana. Труды института лингвистических исследований*, 2(XV). **2019**. 86–129.